

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
К21

Кара-Мурза, Сергей Георгиевич.

К21 Советская цивилизация / Сергей Кара-Мурза. — Москва : Родина, 2019. — 1280 с.

ISBN 978-5-907149-34-2

Эта книга выдающегося российского политолога и публициста Сергея Георгиевича Кара-Мурзы стала уже классикой исторического исследования, посвященного СССР, — она рекомендована в качестве учебного пособия в вузах, а хороший литературный стиль делает ее доступной для самого широкого круга читателей.

Приводя примеры успешного сочетания государственных целей с интересами простых граждан, С.Г. Кара-Мурза анализирует уникальный исторический опыт нашей страны в построении советской цивилизации. При этом позиция автора лишена ретроградного налета: речь не о реставрации, а об учете ценностей социализма, его позитивного опыта в современной жизни.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-907149-34-2

© Кара-Мурза С.Г., 2019
© ООО «Издательство Родина», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Редактор *Олег Селин*
Художник *Борух Шмуц*

Смотрите книжные новинки на сайте <https://Rodina-izdat.ru>

ООО «Издательство Родина»

Оптовая торговля:

ООО «Издательство Родина» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: Rodina-izdat.ru

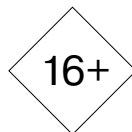
Электронная почта: Rodina.pbl@gmail.com

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 01.03.2019. Формат 60x90¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 80,0.

Тираж экз. Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава 1. Развитие капитализма в России: как изменялись взгляды Ленина	12
Глава 2. Штрихи к социальному портрету России: кто шел в революцию	67
Глава 3. Путь России и советский проект: от Февраля до Октября 1917 г.	111
Глава 4. Создание Советского государства в первый период после Октябрьской революции	166
Глава 5. «Проект Ленина» — путь к обрыву или к спасению? Комментарий из 2001 года	224
Глава 6. Гражданская война	255
Глава 7. Советское государство в период нэпа	320
Глава 8. Западное и советское общество как порождение двух разных типов цивилизации	351
Глава 9. Советская экономическая система	386
Глава 10. Советское государство и право в период тоталитаризма	409
Глава 11. Советское и фашистское государства	475
Глава 12. Красноречивые документы: как жилось строителям советской цивилизации	510
Глава 13. Советское государство и право в период Великой Отечественной войны	524
Глава 14. Лирическое отступление: жизнь по законам быта военного времени	549
Глава 15. Восстановительный период	561
Глава 16. Реформы Н. С. Хрущева	585
Глава 17. Социальная сфера промышленных предприятий: особый взгляд на советский строй	650
Глава 18. Период стабильного развития («эпоха застоя»)	679
Глава 19. Советская и западная школа: что ломают в России в начале XXI века?	686
Глава 20. Лирическое отступление: советский человек на Кубе	711

Глава 21. Урбанизация и голод на образы: обездоленные в СССР	756
Глава 22. Диссиденты — советская «закваска» антисоветского проекта	779
Глава 23. Холодная война и идейное разоружение советского человека	795
Глава 24. Уравнительный принцип и советская уравниловка	813
Глава 25. Советское государство в период перестройки (1985—1991 гг.)	840
Глава 26. Реорганизация государственной системы хозяйства	850
Глава 27. Западные левые и крах советского проекта	865
Глава 28. От кампании против «поворота рек» — к расчленению СССР	881
Глава 29. Подрыв легитимности советского строя: антиколхозная кампания	908
Глава 30. Созревание антисоветского сознания	976
Глава 31. Родовые особенности антисоветского мышления	1021
Глава 32. Главные объекты атаки в антисоветском проекте	1100
Глава 33. Образ советской хозяйственной системы	1174
Глава 34. Лирическое отступление о переходном периоде: далековато от Москвы	1242
Заключение	1271
Литература, полезная для размышлений о советской цивилизации	1278

ВВЕДЕНИЕ

Ровно десять лет назад, в августе 1991 г., посредством сложных маневров и провокаций верхушка КПСС передала власть радикальной антисоветской группировке из рядов своей же номенклатуры, и та выполнила грязную и явно преступную часть работы по уничтожению СССР и советского государства.

Но государство — не человек, оно умирает долго и трудно, и десять лет мы наблюдаем его агонию. Только во время этой агонии, через утраты и обретение памяти начинает ныне живущее поколение понемногу осознавать, что же это было за государство — *советское*. Начинает понимать, каким *обществом* это государство было рождено и на каких устоях держалось. Через смертельные удары по его уязвимым точкам мы начинаем различать, пока еще смутно, его строение, чувствовать его природу. Помогают убийцы и их консультанты.

Джеффри Сакс, профессиональный палач-реформатор многих национальных экономик, пошутил о советском хозяйстве: «Мы вскрыли грудную клетку больного, а оказалась, что у него другая, нам неизвестная анатомия». Врет киллер. Все они, вскрывавшие грудную клетку нашей страны, знали, куда воткнуть нож — и он, с кучей советологов и эмигрантов всех волн, и «наши», с пеленок выращенные в обкомах и академиях. Знали нашу анатомию — знанием ненавистника и убийцы.

Советский строй возник в страшных родовых муках. Травмы остались в памяти — у кого-то пострадали близкие, кто-то был потрясен зрелищем чужих страданий. Потому и нашлось достаточно таких, кто бескорыстно и по доброй воле помогал словом и делом Ельцину с Чубайсом и Дж.Бушу с Джеффри Саксом. Кто-то из таких и сегодня радуется, но не могут даже и они не понимать, что «целились в коммунизм, а стреляли в Россию». Судя по всему, и целились-то в Россию, о комму-

низме говорили из приличий. Но не будем отнимать утешения у убийц бескорыстных. Пусть считают, что уничтожить Россию им пришлось, изгоняя из нее дьявола коммунизма. Будем говорить о целом.

Эта книга — один из тех трудов, что стали появляться в последние годы, уже с новым знанием о советском периоде нашей истории. Катастрофы — это жестокий эксперимент. В технике аварии и катастрофы — источник важнейшего знания. Что же говорить об обществе и стране, само рождение и жизнь которых покрыты многими слоями священных тайн и преданий. Именно когда рушатся под явными ударами эти сложные и хрупкие конструкции, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение, сокровенные достоинства и слабые точки. В этот момент можно многое понять — и о стране, и о себе.

Но этот миг очень короток. Все мы в момент катастрофы слишком потрясены и слишком заняты спасением или мародерством. А убийцы забрасывают нанесенные ими раны грязью, замазывают ложью, прячут улики. Да раны и сами затягиваются уродливыми рубцами и шрамами — ведь общество не погибает, израненный инвалид оживает и как-то должен вновь учиться говорить, передвигаться, добывать себе пищу. Поэтому очень ненадолго приоткрывается нам суть вещей, и мы обязаны сделать усилие и успеть добыть драгоценное знание, пока раны раскрыты. Это знание оплачено страданиями миллионов людей — можем ли мы дать ему пропасть, позволить его спрятать теневым жрецам преступного интернационала!

Есть и другая точка зрения — наоборот, прекратить обсуждение советского строя. Вернуться туда нельзя, так нечего и тратить время. Надо, мол, перевернуть страницу истории, похоронить своих мертвых и начинать жизнь сначала. На этой основе возможен даже компромисс с новыми хозяевами — их дела мы стираем из нашей коллективной памяти, а они станут к нам добрее.

На мой взгляд, эти пожелания наивны. Речь не идет о возврате в «*тот*» советский строй. Это невозможно и никому не нужно — вернуться, чтобы снова вырастить Горбачева с Ельциным? Дело в том, что мы и вперед будем двигаться вслепую, если не пойдем старого, к тому же не снятого. А мы его до сих пор поняли в очень малой степени. Понять советский строй — это выиграть целую кампанию войны с теми, кто стремился и стремится нас ослепить. Недаром антисоветизм — одна из главных сегодня идеологических программ. Возможно, главная, причем во всем мире. На ее подпитку в России брошены силы всех окрасок. Именно потому, что, поняв советский строй, люди очень быстро нащупают контуры нового проекта — и пробьют к нему туннель. Тогда опять пиши пропало.

Нынешнее состояние России — лишь эпизод нашей Смуты, совмещенной с непрерывной горяче-холодной войной «золотого миллиарда»

за питательные соки Земли. В этой войне советский проект был для всей фашиствующей мировой расы, как кость в горле. Уже в первой своей, ранней реализации в виде СССР, в ходе трудных проб и ошибок он показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных *возможна*. Возможно и человечество, устроенное как семья, «симфония» народов — а не как мировой апартеид, вариант неоязыческого рабовладения.

Поражение советского проекта на территории СССР — тяжелый удар по этим надеждам. Слишком сильны оказались в человеке инстинкты хищника, слишком устойчивы внедряемые веками идеи господства, присвоения. На короткий срок они были оттеснены в тень духовным порывом народов России, а на непримиримых хищников были надеты намордники. Найдя мощных союзников и в мировой политике, и среди художников, готовых их воспеть и узаконить, хищники вырвались на волю. Тот строй, который создавался на принципах сотрудничества и солидарности, перед ними не устоял.

Но и тем, кто его разрушал, и тем, кто этому потакал, и тем, кто его не сумел защитить, надо восстанавливать какое-то жизнеустройство. Воля к жизни и инстинкт продолжения рода понемногу и незаметно начнут отвлекать людей от телеэкрана и заставят искать выход. По крайней мере, есть основания на это надеяться.

Уже сегодня всем, кто сохранил здравый смысл, ясно, что хаос разрушения СССР не сложился в России в какой-то новый порядок, обеспечивающий выживание страны и народа. Те «стратегические программы», которые нам периодически дают пожевать президенты и их грефы, есть продукт чисто идеологический, сшитый на скорую нитку. Он не предназначен ни для обсуждения, ни тем более для выполнения. Это — прикрытые еще на год, на два. Пока и верующие, и критики жуют эту кость, господствующее меньшинство вывозит достояние страны за рубеж, отправляет туда же детей и внуков учиться, обустроивает гнезда комфорта в самой России — на случай, если паралич вымирающего народа затянется.

А те сценарии, которые пишутся всерьез, предусматривают, как самый лучший вариант, превращение России в периферию мировой капиталистической системы — в площадку, на которой «экономические операторы» будут в небольших очагах современного производства изготавливать то, что необходимо «глобальному рынку». И очаги эти будут окружены морем обнищавшего населения, выброшенного из цивилизации и самым примитивным образом добывающего скудное пропитание. Это население уже не будет ни русскими, ни татарами, ни якутами, это будет утратившая национальную культуру человеческая пыль. Она будет оставлена на земле в таком количестве, чтобы бесперебойно рожать и выращивать до 18 лет почти даровую рабочую силу для «очагов цивилизации» и солдат внутренних войск.

Для России по ряду причин этот сценарий нереализуем, хотя эту новую фашистскую утопию мы встречаем в сильно ослабленном состоянии. Поэтому, как большинство ни оттягивает этот момент, каждому придется взглянуть правде в глаза и признать, что или русские восстановят то жизнеустройство, которое совместимо с нашей природой, личными ресурсами и культурой, — или исчезнут как народ и как страна. Исчезнут, как американские индейцы.

И в выборе и построении этого возможного для нас жизнеустройства им будет совершенно необходим опыт советского строя. Потому что он тоже складывался под давлением непреодолимых условий и смертельных угроз, и многие решения, выстраданные поколениями советских людей, являются, вероятно, единственно возможными. Скорее всего, ряд важнейших принципов жизнеустройства, при котором только и может сохраниться русский народ и его культура, будут в главных своих чертах воспроизводить принципы советского строя — неважно даже, под какой идеологической шапкой.

Поэтому очень скоро нам, кто хочет, чтобы его дети и внуки жили в нашей культуре, да и вообще жили, будут насущно нужны книги, в которых был бы воссоздан и советский *проект*, и советский *строй* — то, что успели выполнить из всего проекта. Кое-что полезного сказали в своих специальных работах убийцы советского строя. Но то, что нужно убийце, недостаточно для строителя.

Нам нужны будут книги, ставящие заслон тому потоку карикатур, производство которых наладила антисоветская идеологическая машина. Книги, написанные с любовью, но не в захлеб. Надо начинать большой проект по созданию истории «*структур советской повседневности*». Из нее мы поймем, что абсолютно необходимо для нашей жизни, что важно и желательно, а без чего можно обойтись. Поймем источники нашей силы и паразитической уязвимости.

Эта книга написана именно в таком ключе. Название ее, скорее, задает цель всего проекта. На самом деле это пока что *очерки* советской цивилизации, пока что картину советского строя как цивилизации мы делаем очень грубыми мазками, возникающий образ слишком размыт. Но надо начинать.

Я писал эту книгу с любовью к советскому строю и советскому народу. Тот, для кого ненависть к СССР стала опорой в его духовной жизни, пусть лучше ее не читает. Разумному же критику советского строя читать будет не трудно, потому что у меня нет ни задачи, ни даже малейшего желания кого-то переубедить или куда-то повести.

Вся работа делится на две части, две книги. Первая охватывает период от зарождения советского проекта и строя до Победы СССР в Великой Отечественной войне. Вторая — послевоенный период вплоть до краха СССР в конце 1991 г. Части эти могут читаться и по отдельности, хотя, конечно, представляют собой вместе одно целое.

Книга эта — не научный труд, в ней много аргументов, не поддающихся критической проверке строгими методами. Но и нестрогие доводы полезно знать. Все же скелет книги я строил согласно принципам построения научного текста, и этот костяк при необходимости можно легко вычленить. Что же касается фактических данных, то я их по возможности брал из самых надежных источников. Думаю, больших ошибок, которые могли бы принципиально повлиять на выводы, в них нет.

Снабдить текст аппаратом ссылок, который отвечал бы научным нормам, стоило бы слишком большого труда, да и слишком затруднило бы чтение. Много цитат в тексте оставлено без ссылок. Я стал делать выписки и вырезки давно, еще не думая о книге. Все источники в принципе доступны, их можно было бы найти и привести, но это сильно затянуло бы издание книги. Приношу извинения за то, что решил пожертвовать качеством, которое для кого-то сделало бы текст более убедительным.

Благодарю всех, кто помог в работе над текстом, кто в прямой дискуссии или в Интернете поддержал высказанные в ней мысли или подвиг их критике.

Глава 1

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ: КАК ИЗМЕНЯЛИСЬ ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА

Как сказал Плеханов, «нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания». Крушению советского строя, этому тяжелейшему удару по российской цивилизации, предшествовало то состояние сознания, которое Андропов определил четко: «Мы не знаем общества, в котором живем».

Это состояние сопровождает нас и сегодня, что и предопределяет тяжесть положения, в котором мы очутились. Незнание уже превратилось в непонимание. Когда сообщаешь сведения даже о хорошо изученных характерных чертах нашего общества, тебя слушают с недоумением, недоверием, часто со злобой. Это тяжелый случай — «структурно обусловленное непонимание», когда реальные факты не втискиваются в укорененную структуру мышления и просто отвергаются или не замечаются.

В советское время через поголовное образование и средства идеологического воздействия в наше сознание была внедрена жесткая парадигма для восприятия и понимания истории и общественных явлений в России, особенно в предреволюционное и революционное время. Парадигма — это свод правил, образцов, логических приемов, неприемлемых ошибок. Все то, что формирует наше мышление в отношении определенного класса явлений и проблем.

Огромную роль при построении этой парадигмы сыграл молодой В.И. Ленин и его фундаментальный, во многих отношениях замечательный труд «Развитие капитализма в России» (1899). Исполнилось уже 100 лет с момента его издания, но вспомнить его надо не ради юбилея. Он поразительно актуален сегодня, и вся история его переосмысления самим Лениным вплоть до его работ о нэпе дает нам сильные, проклятые уроки. Почему же мы от них бежим? Почему предпочитаем ко-

пошиться на уровне Солженицына? Прокаленные уроки трудны, нужна сила и совесть, чтобы их принять.

История труда «Развитие капитализма в России» — драма культуры. Труд написан великим мыслителем и одновременно великим политиком — с большой интеллектуальной силой и со страстью. Это сочетание определило убедительность, мощь и длительность воздействия труда — и в то же время глубокую противоречивость этого воздействия.

По сути, этот труд завершил построение философско-политической парадигмы, в рамки которой была введена общественная мысль первой трети нашего века и которая в суженном виде была перенесена в официальную советскую идеологию. Появление парадигмы — революция в мышлении, она всегда дает поначалу большой толчок развитию, приводит к расцвету мысли. Как говорится, даже ошибочная теория лучше, чем никакой. Если есть теория, можно формулировать вопросы и ставить эксперименты (хотя бы мысленные).

Но слишком жесткая теория быстро начинает давить мысль и накладывает шоры — особенно если не появляется мыслителей такого же ранга, способных поставить под сомнение, а потом опровергнуть утверждения, ставшие догмой. Ленин как политик затвердил достроенную им парадигму слишком жестко — в ущерб себе как ученому. И попал в тяжелое положение: жизнь быстро стала опровергать выводы его труда, но созданная Лениным партия стала расти и набирать силу именно на основе теории, идеологии и языка, заданных этим трудом.

В начале века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма», отступая ради этого даже от Маркса.

И Ленин совершил почти невозможное: в своей мысли и в своей политической стратегии он следовал требованиям реальной жизни, презирая свои вчерашние догмы — но делал это, не перегибая палку в расшатывании мышления своих соратников. Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский большевизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось принижать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т.п. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались — Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты.

Для собирания России после Февраля 1917 г. оказалось жизненно важно, что Ленин в ходе революции 1905—1907 гг. и столыпинской реформы понял ошибочность главных выводов труда «Развитие капита-

лизма в России». В чем же драма? В том, что не поняли и не задумались мы — и в результате «не знали общества, в котором живем». Так позволили его погубить и вновь разорвать Россию. Легко было бы оправдаться: виноваты ошибочные выводы Ленина и то, что он явно от них не отказался. Но принять такого оправдания нельзя.

Когда читаешь книгу Ленина, видно, что если бы он не заострил свои выводы, сделал их умеренными, с оговорками, то и выстрадать новое понимание России после 1905 г. у него бы не было острой потребности. Достоевский в своих романах заставляет героев доходить до «последних вопросов», ставя над ними *experimentum crucis* — жестокий, решающий эксперимент («эксперимент распятием»). Так, мне кажется, работала мысль Ленина — так он поступал со своими концепциями. Но рвать на себе рубаху и опровергать свои прежние выводы он позволить себе не мог, он был политик, а не доктор философских наук.

Мы сами виноваты в том, что под убаюкивающие лекции серых профессоров отбросили плодотворную противоречивость ленинской мысли. Но нельзя же и сегодня слушать колыбельные песни! Давайте хладнокровно обсудим выводы главной части книги «Развитие капитализма в России» — о капитализме в деревне.

Евроцентризм и народники. Структура мышления, созданная в течение последних ста лет для определенного понимания России, опирается на связный набор понятий и терминов, она логична и проста и, главное, она поддерживается авторитетом Запада. Нельзя сказать, что этот тип мышления политизирован (хотя в советское время в официальной идеологии была преувеличена и приукрашена роль одного течения — большевиков, а потом КПСС). В принципе, на одном и том же языке в начале века могли говорить и понимать друг друга и либералы-кадеты, и Колчак, и Савинков, и социал-демократы. Это язык евроцентризма, который отвергал существование иных жизнеспособных цивилизаций, кроме Запада. Россия должна пройти тот же путь, что и Запад! В конце XIX века это означало, что и в России должен быть капитализм. Россия сильно отстала, в ней много еще крепостничества и «азиатчины», но сейчас она наверстывает упущенное.

Из этого широкого течения выбивались наследники славянофилов — и консерваторы (из них выделились черносотенцы), и революционеры (народники). Против них встали и либералы, и марксисты. Их идейный разгром молодой Ленин считал в то время одной из главных своих задач. В работе 1897 г. «От какого наследства мы отказываемся» он так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т.п.».

В 80-е годы экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России.

Один из них, В.П.Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». Это была сложная концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подход к изучению истории. Народники прекрасно знали марксизм, многие из них были лично знакомы с Марксом или находились с ним и Энгельсом в оживленной переписке.

В советское время мы получали сведения о взглядах народников в обедненном и недоброжелательном виде, в основном через критику их Лениным. Сейчас, когда мы шире познакомимся с их трудами (особенно трудами «поздних» народников А.В.Чаянова и Н.Д.Кондратьева) и узнали, какое влияние они оказали на мировую общественную мысль, мы обязаны подойти к критике народников взвешенно, учитывать искажающую роль злободневных политических интересов.

Важнейшим понятием в концепции «неподражательного» пути развития было народное производство, представленное прежде всего крестьянским трудовым хозяйством. В конце 70-х годов в крестьянско-общинное производство на наделных и арендованных у помещиков землях было вовлечено почти 90% земли России, и лишь 10% использовалось в рамках капиталистического производства. Сегодня проект народников иногда называют «общинно-государственным социализмом».

Критики народников сходились между собой в отрицании самобытности цивилизационного пути России и соответствующих особенностей ее хозяйственного строя. Легальный марксист П.Струве утверждал, что капитализм есть «единственно возможная» форма развития для России, и весь ее старый хозяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьянами, есть лишь продукт отсталости: «Привить этому строю культуру — значит его разрушить».

Распространенным было и убеждение, что разрушение (разложение) этого строя капитализмом западного типа уже быстро идет в России. Плеханов считал, что оно уже состоялось. М.И.Туган-Барановский (легальный марксист, а затем кадет) в своей известной книге «Основы политической экономии» признавал, что при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает... И в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе».

Сегодня уость этого евроцентристского взгляда поражает¹. Когда подобные вещи говорит Гайдар, в его искренность никто не верит — он

¹ Впрочем, уже в 30-е годы А.Тойнби в своем главном труде «Постижение истории» писал: «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и паразитическому сужению исторического кругозора».

выполняет политический заказ. Сводить все различия хозяйственного строя двух цивилизаций к наличию или отсутствию крепостной зависимости у трети крестьян — значит подниматься на такой уровень абстракции, при котором реального экономического смысла теория уже не имеет.

Достаточно сказать, что в России из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта составляли 50%, а, например, транспортные издержки во внешней торговле были в 6 раз выше, чем в США. Как это влияло на цену, рентабельность, зарплату, стоимость кредита и пр.? По сути, один лишь географический фактор заставлял в России принять хозяйственный строй, очень отличный от западного.

Мы уж не говорим о том, что совершенно необходимым условием для возникновения и развития западного капитализма было длительное изъятие огромных ресурсов из колоний. Самый дотошный историк нашего века Ф.Бродель, изучавший «структуры повседневности» — детальное описание потоков и использования всех средств жизни, писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... Он во все не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда». По данным Броделя, в середине XVIII в. Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн. ф.ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн. ф.ст. Таким образом, если учесть доход всех обширных колоний Англии, то выйдет, что за их счет делались и практически все инвестиции, и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т.д. Еще более жесткие оценки значения ресурсов колоний и «третьего мира» дал К.Левин-Стросс, а в последнее время — экономисты ООН.

Никоим образом не мог в России «господствовать тот же хозяйственный строй, что и на Западе». Модель марксистов — как большевиков, так и «легальных», была неадекватна в принципе, не в мелочах, а в самой своей сути. Но эта модель становилась главенствующей в России.

Судьба русской крестьянской общины. Главной задачей труда «Развитие капитализма в России» сам Ленин считал укрепление марксистских взглядов на исторический процесс в России. Эту задачу он выполнил как политик — в существенной мере в ущерб научному анализу. В таком споре не рождается истина, не в этом его и цель. Ленин слишком «затвердил» установки марксизма, не вскрыв рациональное зерно взглядов народников. В тот момент народники не имели еще за своей спиной ни С.Подолинского с В.Вернадским, ни А.Чаянова, ни современной антропологии, ни даже позднего Маркса. Всего того, что сегодня за-

ставляет нас совершенно по-иному взглянуть на крестьянскую общину и ее связь с экологическими постиндустриальными укладами.

В предисловии к 1-му изданию Ленин специально подчеркнул свою солидарность с главными выводами работы К.Каутского «Аграрный вопрос», которую он получил уже после того, как книга была набрана. Он пишет: «Каутский категорически признает, что о переходе деревенской общины к общинному ведению крупного современного земледелия нечего и думать»¹.

Что крупное предприятие в земледелии несравненно эффективнее («прогрессивнее») мелкого крестьянского, для марксистов было настолько непререкаемой догмой, что об этом и спору не могло быть. Сегодня это утверждение далеко не очевидно, но мы тоже не будем с ним спорить — через сто лет после выхода книги. Главное, что и в рамках этой догмы Ленин ошибался — община показала удивительную способность сочетаться с кооперацией и таким образом развиваться в сторону крупных хозяйств. В 1913 г. в России было более 30 тыс. кооперативов с общим числом членов более 10 млн. человек. Смогла община, хотя и с травмами, восстановиться и в облике колхозов — крупных кооперативных производств.

Более того, идея совместной обработки земли, производственной кооперации, существовала в общинном крестьянстве давно, задолго до коллективизации и даже революции. В Письме десятом (3 декабря 1880) в своих «Письмах из деревни» большой знаток русского крестьянства А.Н.Энгельгардт пишет: «Если бы крестьянские земли и обрабатывались, и удобрялись *сообща*, не нивками, а сплошь всеми хозяевами вместе, как обрабатываются помещичьи земли, с дележом уже самого продукта, то урожаи хлебов у крестьян были бы не ниже, чем у помещиков. С этим согласны и сами крестьяне. Узкие нивки, обрабатываемые каждым хозяином отдельно, препятствуют и хорошей обработке, и правильному распределению навоза. При обработке земли *сообща* эти недостатки уничтожились бы и урожаи были бы еще лучше».

К сожалению, в начале XX века кооперацию в России экономисты (за исключением народников) считали чисто буржуазным укладом и в ее развитии видели как раз признак разложения общины. С.Ю.Витте писал в 1904 г.: «Кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности... Община и кооперативный союз резко отличаются друг от друга по своей экономической и правовой структуре».

¹ Здесь Ленин прямо отвечал на тезис народников (Н.Ф.Даниельсона), которые считали, что при национализации крупной промышленности возможно техническое вооружение общины и ее развитие так, «чтобы она была в состоянии сделаться подходящим орудием для организации крупной промышленности и для ее преобразования из капиталистической формы в общественную».